

14 РОЗКЛАДОВ ОТ ВЫПУСКНИКОВ КУРСА АННЫ ГУТИЕВОЙ

ГЕРОИ | ЗЛОДЕИ | ЖЕНЩИНЫ

Ridero

BOOK PRODUCING
AGENCY

Андрей Флегматов
Арина Ивка
Виктория Рахубовская
Елена Кутузова
Игорь Лизкин
Инга Муравьева
Ольга Жигалова
Ольга Спиридонова
Светлана Шульгина
Селина Нис
Татьяна Макарова
Юлия Евдокимовская
Юлия Труфанова
Ян Эйхер

Герои. Злодеи. Женщины.
14 рассказов от выпускников
курса Анны Гутиевой

<https://litres.ru/74247232>
ISBN 9785007036207

Аннотация

В своих рассказах писатели изучают природу зла и героизма, а также острых вопросов, связанных с кризисом любви, брака и самоопределения женщин. В современной литературе существует негласная схема показа подобных персонажей, ставшая шаблоном: «зло растет из детства», «герои совершают добро из эгоизма», «женщины страдают от насилия». Писатели попытались обойти эти шаблоны и посмотреть на психологию своих героев с необычного ракурса.

Содержание

Слово мастера	7
Виктория Рахубовская.	8
Юлия Евдокимовская.	25
Андрей Флегматов.	30
Арина Ивка.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Герои. Злодеи. Женщины

14 рассказов от

выпускников курса

Анны Гутиевой

Авторы: Рахубовская Виктория, Евдокимовская Юлия, Флегматов Андрей, Ивка Арина, Шульгина Светлана, Лизкин Игорь, Кутузова Елена, Эйхер Ян, Жигалова Ольга, Спирidonova Ольга, Муравьева Инга, Макарова Татьяна, Селина де Нис, Труфанова Юлия

Продюсерское агентство Антон Чиж Book Producing Agency

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

Корректор Ольга Рыбина

© Виктория Рахубовская, 2026

© Юлия Евдокимовская, 2026

© Андрей Флегматов, 2026

© Арина Ивка, 2026

© Светлана Шульгина, 2026

© Игорь Лизкин, 2026

© Елена Кутузова, 2026

© Ян Эйхер, 2026

© Ольга Жигалова, 2026

© Ольга Спиридонова, 2026

© Инга Муравьева, 2026

© Татьяна Макарова, 2026

© Селина де Нис, 2026

© Юлия Труфанова, 2026

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-3620-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово мастера

В своих рассказах писатели изучают природу зла и героизма, а также острые вопросы, связанные с кризисом любви, брака и самоопределения женщин. В современной литературе существует негласная схема показа подобных персонажей, ставшая шаблоном: «зло растёт из детства», «герои совершают добро из эгоизма», «женщины страдают от насилия». Писатели попытались обойти эти шаблоны и посмотреть на психологию своих героев с необычного ракурса.

Анна Гутиева

Виктория Рахубовская.

ПРАВО НА ТЬМУ

Наталья вышла из такси за полсотни метров до ресторана «Вольная станица». В восемь вечера густая южная ночь набирала силу. Серое атласное платье облегло фигуру, но сегодня она ненавидела каждую его складку. Слишком заметно. Она наклонила голову, пряча лицо от камер, и мысленно выругалась: каблук опять увяз в щебёнке. Терпеть не могла эту дорожку. В обычной жизни Наталья обожала ловить возмущенные взгляды. Она коллекционировала их, как марки: взгляд судьи, когда она входила в зал заседаний в строгом костюме, но с расстёгнутой пуговкой на блузе «чуть глубже регламента»; взгляд оппонента, который только что понял, что проиграл дело красивой женщине; взгляд прохожего, который чуть не врезался в столб. Но сегодня ей хотелось стать невидимкой. Адская задача для человека, чья внешность постоянно кричала: «Посмотрите на меня! Я здесь самая яркая!». Она ненавидела, когда таксисты пытались заговорить с ней. Обожала запах типографской краски и коллекционировала антикварные чернильницы, хотя пользовалась только гелевыми ручками. И терпеть не могла, когда в её любимом кафе заканчивалась корица.

В банкетном зале гремела музыка, цветные блики пляса-

ли на лицах танцующих гостей. За двумя столами от сцены сидели дальние родственники из области. Она скользнула на свободный стул, налила минералки и залпом выпила.

Главное — не встречаться глазами с бывшей свекровью. Но уже через минуту она поняла, что прятаться бесполезно. За соседним столиком грузный мужчина в дорогом пиджаке пытался запихнуть в рот целый бутерброд с икрой, подцепив его ножом. Наталья поморщилась. Она терпеть не могла, когда едят с ножа. Это была её маленькая, совершенно идиотская фобия: если человек пользуется ножом, чтобы намазать масло, а потом отправляет еду в рот тем же ножом — значит, он нечист на руку. Такому типу нельзя доверять — он лжец или предатель. И подтверждение своей фобии Наталья постоянно находила в повседневной жизни.

— О, смотрите, кто к нам пожаловал! — раздался звонкий голос Раисы Александровны. К столику подплыла бывшая свекровь с бокалом шампанского. — Наша звезда! Защитница прав человека. Или, точнее, прав монстра?

Наталья не ответила. Раиса Александровна уже махала рукой остальным:

— Идите все сюда! Наталья Владимировна почтила нас своим присутствием! Интересно, она расскажет нам, как прекрасно быть адвокатом того, кто резал женщин в лесополосе?

К столику начали стекаться люди. Кто-то с любопытством, кто-то с откровенной враждебностью. Наталья сидела пря-

мо, положив руки на колени. Внутри всё сжалось, но лицо оставалось спокойным. Она тренировала это выражение годами: когда проигрываешь дело, когда видишь, как клиента уводят в наручниках, когда тебе плюют в спину.

— Раиса Александровна, дай человеку спокойно поесть, — сказал мужчина в сиреневой рубашке, тот самый, с бутербродом. Он вытер рот салфеткой и повернулся к Наталье. — Но вообще, Наталья Владимировна, я вас не понимаю. Этот урод — он же убил пять женщин. Пять! А вы его защищаете. Как вы смотрите в глаза родственников?

— Я их пока не видела, — тихо сказала Наталья. — Моя работа — обеспечить подзащитному право на справедливый суд. А не судить его.

— Право? — Раиса Александровна хохотнула. — У него нет никакого права. Он — отброс. Его место — в петле. А вы, образованные, с дипломами, прикрываетесь буквой закона, чтобы такие твари гуляли на свободе.

— Он не гуляет, — спокойно ответила Наталья. — Он уже полгода в СИЗО. Моя задача, чтобы следствие не нарушало процедуру, чтобы экспертиза была объективной, чтобы его показания не выбили под давлением. Это называется правовое государство.

— Правовое государство! — взорвался мужчина в сиреновом. — А вы знаете, что он сделал с пятой? Ей было пятнадцать лет! Пятнадцать! Она просто шла из школы!

Наталья молчала. Она знала. Она читала материалы дела,

смотрела фотографии, и по ночам эти фотографии вставляли перед глазами. Она даже пробовала отказаться от защиты — но в коллегии сказали: «Ты же понимаешь, даже у таких, как он, должна быть защита. Мы обязаны предоставить ему адвоката. Это твой долг». Долг. Это слово она повторяла себе как мантру.

И вдруг, неожиданно для самой себя, она вспомнила пятый класс. Ленку, свою лучшую подругу, которая стояла перед всем классом с красным лицом. Одноклассница Катька потеряла часы — красивые, подарок бабушки. Ленку объявили воровкой. Классный руководитель устроила голосование: «Кто считает, что Лена недостойна учиться с нами?» Наталья тогда подняла руку вместе со всеми. Она испугалась. Испугалась, что если не поднимет, то следующей назовут воровкой её. Ленку перевели в другую школу, а через месяц часы нашлись. Их нашла уборщица, когда убирала раздевалку в спортзале, но забыла отдать в учительскую, чтобы найти хозяйку. Наталья хотела позвонить Ленке, извиниться, но не решилась. Они больше никогда не говорили. И теперь, спустя двадцать лет, когда Наталья не могла уснуть после очередного сложного заседания, она слышала голос Ленки: «Ты могла защитить меня. Но ты промолчала».

— Я не оправдываю его поступков, — сказала она, поднимаясь. — Но я хочу, чтобы приговор был законным и справедливым. Чтобы ни у кого не осталось сомнений: его осудили по праву, а не по ярости толпы. Если мы начнём судить

без правил, мы ничем не будем отличаться от него.

Она взяла сумочку и направилась к выходу. В спину летели слова: «стерва», «защитница убийц», «своих детей нет, вот и возится с маньяками». Она пошла не оборачиваясь.

Два месяца назад, когда Наталья впервые вошла в следственный изолятор, чтобы встретиться с подзащитным, она ожидала увидеть либо обезумевшего зверя, либо сломленного человека. Но перед ней сидел мужчина лет сорока, с аккуратными руками, спокойным взглядом и голосом, который мог бы читать лекции по античной философии.

— Вы будете меня защищать? — спросил он.

— Я буду обеспечивать ваши права, Роман Викторович, — ответила она, садясь напротив. — Расскажите мне, что произошло. С самого начала.

Он рассказал. Монотонно, будто диктовал под диктофон.

— ...в тот день я вышел из метро в начале восьмого. Обычно я выходил раньше, но сегодня состав задержали — женщина упала на рельсы. Я шёл через дворы, перешагивая трещины в раскалённом асфальте.

На качелях сидела девочка лет семи и кормила с рук голубей. Птицы облепили её. Я хотел пройти мимо, но она подняла на меня большие серые глаза.

— Дядя, а вы знаете, что голуби — это души убийц?

— Что?

— Бабушка говорила. Когда убийца умирает, его душа не может улететь. Она остаётся здесь и становится голубем.

Простой человек никогда не знает, в каком голубе живёт душа убийцы. Таких птиц видят только сами злодеи.

— Глупости, — сказал я и пошёл быстрее.

Недалеко от подъезда в мусорных баках копалась бомжиха. Она выудила из одного из них потрёпанную дублёрку и начала примерять.

— Огонька не найдётся, красавчик? — хрипло спросила она у меня.

— Я не курю, — и отвёл взгляд, попытался пройти мимо.

Она преградила дорогу. Опухшая, с гнилыми зубами, она задрала и без того короткую юбку. Старая дублёрка, нелепая в летнюю жару, висела на ней, как на пугале.

— А я курю, — усмехнулась она. — Слышь, похоже, жена у тебя — стерва. Боишься красивым женщинам в глаза смотреть, — и бомжиха громко расхохоталась. — Хочешь, утешу? Недорого. Пятьсот рублей, и забудешь про неё.

Она шагнула ближе, и я почувствовал запах перегара и немытого тела.

— Отстань.

— Ой, какие мы недотроги, — засмеялась она. — Может, у тебя там вообще ничего нет? Ты ж не мужик, ты тряпка. Таким только и остаётся, что от баб шархаться.

Я сказал ей, чтоб заткнулась.

— Что, правда глаза режет? Ползи к своей стерве, слушай, какой ты никчёмный.

Она сплюнула и отошла к скамейке. Я зашёл в подъезд,

но её слова пульсировали в висках: «Тряпка. Никчёмный. Не мужик».

Дома пахло подгоревшими котлетами.

— Явился? Хлеб купил? — крикнула Зина, моя жена, из кухни.

Она стояла у плиты, потная, с вечной складкой между бровями.

— Я, это, Зиночка! Я сейчас сбегая!

— Ты издеваешься? Я целый день отпахала, а сейчас в духоте готовлю тебе жрать, а ты даже хлеб купить не можешь? Тряпка! Ни денег, ни ума, ни характера. Тьфу!

Я стоял и молча выслушивал её бесконечные упрёки.

— Чего молчишь? Иди уже.

Из шкафчика в прихожей я достал складной нож, сунул его в карман и вышел. Во дворе, под фонарём, на скамейке сидела та самая бомжиха. Курила. Увидела меня и ухмыльнулась.

— О, тряпка вернулся, — крикнула она. — Что, жена выгнала?

Я остановился в двух шагах от неё и улыбнулся. Спокойно так и ласково.

— Слушай, — сказал я тихо. — А ты права. Я тряпка. Был тряпкой всю жизнь.

Она поперхнулась дымом.

— Прозрел, значит? Поздравляю.

— Ты хотела пятьсот рублей? — спросил я.

Она удивлённо подняла бровь.

— Только не здесь. Пойдём в парк, там сейчас тихо.

Она прищурилась, встала, поправила дублёнку.

— Ладно, води. Только деньги вперёд. И пиво купи по дороге.

Я протянул ей мятую купюру. Она жадно схватила её.

— Пошли, красавчик. Удивишь меня сегодня?

— Удивлю, — пообещал я.

Мы пошли через дворы, мимо гаражей и пустыря. Впереди чернел лесопарк.

— А чего жену не трахнешь? — спросила, спотыкаясь на ходу. — Совсем запилила?

— Пилит, — кивнул я.

— А ты терпишь. Таких, как ты, много терпил, — она загоготала.

Мы вошли в парк. Здесь было темно и душно, пахло нагретой листвой и пылью.

— Ну, давай, — сказала бомжиха и бросила дублёнку под куст. — Приступай.

Я остановился. Посмотрел на её заскорузлые пальцы, которыми она расстёгивала пуговицы на грязной блузке.

— Ты знаешь, — прошептал ей. — Вот ты человек. Живой человек. А смотришь на меня как на пустое место. И все так смотрят.

— Слушай, ты философствовать пришёл или делом займёшься? Твоя благоверная тебе по башке надаёт, если позд-

но явишься! — она хихикнула.

— А потом девочка сказала про голубей. И я понял. Я понял, что тряпка — это не навсегда.

Рука сама скользнула в карман. Нож блеснул в сумерках. Бомжиха дёрнулась, открыла рот, чтобы закричать, но я был быстрее. Одно движение — короткое, почти нежное. Она захрипела.

Я смотрел, как её тело дёргается в последних судорогах. И вдруг в груди разлилось такое тепло! Огромное, пьянящее, ни с чем не сравнимое тепло. Я сделал это. Она лежала у моих ног. Та, что смеялась. И никогда больше не сможет. Потому что я сильный. Я всё решаю. Мне стало так легко!

Я вытер нож о её дублёнку и пошёл обратно. Шёл не спеша, наслаждаясь каждым шагом. Воздух вдруг стал сладким. Всё вокруг принадлежало только мне!

Я вышел из парка. На детской площадке под фонарём сидел чёрный голубь и смотрел на меня бусинами глаз. Я остановился. Посмотрел на птицу, потом на тёмные окна своего дома. Там, на четвёртом этаже, ждала Зина. Голубь взмахнул крыльями и улетел в темноту. Я сел на скамейку, достал сигареты. Закурил, глубоко затягиваясь. Звёзды ярко светили. Я затушил окурок о скамейку и пошёл к подъезду, чувствуя под ногами не асфальт, а всю эту землю, которая отныне принадлежала мне. Всю эту жизнь, которую отныне я буду брать сам.

— Я сначала не хотел её убивать, — сказал он под конец.

— Я просто хотел, чтобы она замолчала. Чтобы все замолчали. А потом... потом я понял, что могу. Что я сильный. И это чувство... оно затягивало.

Наталья слушала, не перебивая. В её голове уже выстраивалась линия защиты: нужна психиатрическая экспертиза. Потому что этот человек, с его тихим голосом и руками, которые он держал на коленях, как ученик, явно не вписывался в рамки обычного злодея. Он был болен. Или может притворялся так искусно, что разница стиралась?

Она изучила материалы следствия: показания свидетелей, протоколы проверки показаний и обыска, личные вещи погибших. Она узнала, что Роман работал учителем литературы в обычной школе, что у него двое детей, что жена, Зина, не знала о его ночных вылазках. В одном из допросов Зина говорила: «Он хороший отец. Правда. Перед сном и сказку детям расскажет, и в выходные на карусели сводит покататься, и, почему небо синее, сыну объяснит. Но между нами была какая-то пустота, что ли... Когда это началось? Не знаю.

Я помню, каким он был раньше. Высокий, статный, остроумный. Я помню его руки, которые держали книгу. Я мечтала, мы будем лежать ночами, разговаривать, а потом любить друг друга до изнеможения. А мы лежали в темноте, я слушала его дыхание, а он отворачивался к стене.

Сначала я уговаривала себя: он устал, он много работает, чтобы содержать семью, постоянные командировки, стресс. Потом искала причины в себе: растолстела после родов, пе-

рестала быть интересной. Я ходила к психологу, покупала дорогое бельё, которое теперь пылится в ящике и напоминает о моей глупости. Пока однажды я вдруг не поняла — я обманывала себя, и до родов он всячески избегал близости. Да и то, каким образом мне удалось забеременеть, отдельная история...

Самое страшное — это то, как он гладил меня по плечу. По-братски, успокаивающе. Так гладят старую больную собаку. И во мне закипала такая злость! Мне хотелось заорать: «Сделай уже хоть что-нибудь! Имей смелость быть мужчиной!» Но я молчала раньше, молчу и сейчас. Потому что он смотрит на меня своими умными, грустными глазами, и я понимаю: он страдает не меньше. Я знаю, он чувствует себя ущемлённым. И в этот момент я его ненавижу за эту слабость, и жалею, и тут же презираю себя за эту ненависть. Я уважаю его. Уважаю как отца, как друга, как просто хорошего человека. Если бы он был тунеядцем или алкоголиком, я бы ушла не задумываясь. Было бы легко. А так, я привязана к нему тысячью ниточек: общими воспоминаниями, его поддержкой, его чуткостью.

Бывает, я включаю торшер посреди ночи и смотрю на его лицо. Такое беззащитное и спокойное. И думаю: боже, как я хочу, чтобы он просто перевернулся и обнял меня не как друга. Как женщину. Хотя бы раз. Но он спит. А я иду на кухню и тихо плачу, чтобы никто не слышал. Думала, наверное, мы так и состаримся. Рядом. В вежливом, правильном,

безнадёжном браке. Я не знала, я не знала, я не знала...»

Наталья закрыла папку и заказала ещё кофе. В кофейне закончилась корица. Она вышла на улицу и долго стояла под фонарём, глядя на чёрное небо. Она думала о том, что этот человек, который дарил детям сказки и объяснял, почему небо голубое, по ночам выходил на охоту. И что она, адвокат, будет просить для него не кары, а права на лечение. Потому что если он действительно не контролировал себя, то тюрьма не исправит, а лишь уничтожит последнее, что в нём осталось человеческого.

В кабинете следователя её ждал сюрприз. Там сидел невысокий мужчина с усталыми глазами, в очках, которые он постоянно поправлял.

— Доктор Арсентьев, психиатр, — представился он. — Меня просили побеседовать с обвиняемым. Вы, кажется, хотите провести независимую экспертизу?

— Я хочу, чтобы она была проведена по всем правилам, — ответила Наталья, пожимая его сухую руку.

Они сели в маленьком следственном кабинете и ждали, когда приведут Романа. Арсентьев выложил на стол несколько листов, исписанных его почерком.

— Я уже встречался с Романом дважды по запросу следствия. Он вменяем. Он понимает, что делал, осознаёт последствия, может руководить своими действиями. Но... — доктор помолчал. — Но вполне возможно, что это неполная картина.

— Что вы имеете в виду?

— Он живёт в двух реальностях. Одна — семья, работа, быт. Там он — добрый, заботливый, чуткий. Другая — ночь, парки, женщины, которых он выбирает. Он сам не может объяснить почему. Говорит, что чувствует себя ничтожным, а убийство даёт ему иллюзию силы. Но это не бред, не галлюцинации. Это расстройство личности. Психопатия? Возможно. Но с огромным, почти болезненным разрывом между публичным «я» и тёмным «я». — Арсентьев снял очки, протёр их. — Я, если честно, в замешательстве. По букве закона он подлежит наказанию. Но по сути... он же не выбирал стать таким. Он сам страдает от себя.

— И что вы напишете в заключении?

— Напишу правду. Он вменяем. Но я буду ходатайствовать о более глубоком стационарном исследовании. Возможно, там выявят то, что не видно в кабинете. — Арсентьев помолчал и добавил: — Знаете, а ведь после разговора со мной он признался в убийствах. На первой встрече я пообещал, что помогу ему, если он даст показания и признается, потом комиссия признает его невменяемым. Я сказал это, чтобы он заговорил. Теперь я должен написать, что он здоров. Это правильно? Не знаю. Но в этой ситуации правильного выбора нет.

Наталья посмотрела на него долгим взглядом.

— Вы дали ему шанс быть услышанным. Это уже много, возможно он действительно болен, — сказала она.

Зал судебного заседания был переполнен. Родственники погибших сидели в первом ряду, некоторые держали фотографии своих девочек. Когда конвоиры ввели Романа, по залу прокатился приглушённый гул. Кто-то выкрикнул: «Убийца!», судья потребовал тишины.

Наталья выступала последней. Она встала, поправила воротничок, обвела взглядом зал. В глазах людей она читала ненависть, боль, отвращение. Она знала, что после этого процесса её будут называть не иначе как «адвокат дьявола». Возможно, её карьера пойдёт под откос. Возможно, она навсегда останется для этих людей той, кто встала на сторону зла.

— Уважаемый суд, — начала она, и голос её прозвучал ровно. — Я прошу вас о снисхождении. Я не буду утверждать, что мой подзащитный невиновен. Он признался, что совершил преступления, которые невозможно оправдать. Но я прошу вас о другом. Я прошу, чтобы приговор, который вы вынесете, был не актом мести, а актом правосудия.

Она замолчала, давая словам осесть. В зале стало тихо.

— В материалах дела есть показания жены подзащитного. Она описывает его как любящего отца, который по вечерам читает детям сказки, который никогда не повышает голос. Есть показания коллег, которые говорят, что он был внимательным учителем, к которому дети тянулись. И хотя психиатрическая экспертиза не нашла у него неумяняемости, но признала, что некоторые расстройства личности есть. Зачем

он это сделал? Он мог молчать, и мы бы никогда не узнали, где тела остальных. Мы бы никогда не поняли, почему это произошло. Но он заговорил. Потому что, возможно, в глубине души он хотел, чтобы его остановили. Потому что тот, другой, тёмный человек, которого он носил в себе, был ему самому невыносим.

Она перевела дух.

— Я прошу суд учесть все обстоятельства: его добровольные признательные показания, сотрудничество со следствием, его раскаяние, его готовность пройти лечение. Я прошу вас не лишать его права на то, чтобы остаться человеком. Потому что если мы, общество, в ответ на зло отвечаем только злом, если мы откажем ему в праве на защиту и на надежду, то мы становимся похожими на него. Мы начинаем судить не по закону, а по ярости. И тогда граница между палачом и судьёй стирается.

Она села. В зале несколько секунд стояла мёртвая тишина. А потом кто-то из родственников заплакал, и тишина разбилась на тысячи осколков.

Судья объявил перерыв.

Наталья стояла у здания суда, когда к ней подошла пожилая женщина в чёрном платке — мать одной из погибших.

— Вы думаете, вы победили? — тихо спросила женщина. — Вы спасаете убийцу моей дочери.

— Нет, — сказала Наталья. — Я не спасаю его. Я лишь хочу, чтобы приговор был справедливым.

Женщина долго смотрела на неё, потом отвернулась и медленно пошла прочь. Наталья осталась одна. Она достала телефон, нашла номер такси, но не стала звонить. Вместо этого она прошла через дворы к маленькой кофейне, где раньше часто бывала. Она заказала двойной капучино с корицей, села у окна и долго смотрела на прохожих.

Она думала о том, что право на защиту — это не привилегия для невиновных. Это последняя преграда, которая отделяет цивилизованное общество от толпы с факелами. И если она, адвокат, откажется от этой защиты, то не останется никого, кто сможет сказать: «Стоп. Давайте не будем уподобляться злу».

Она допила кофе, расплатилась и вышла на улицу. На скамейке напротив сидел голубь — чёрный, с блестящими глазами. Он посмотрел на неё, наклонил голову, потом взмахнул крыльями и улетел.

Наталья улыбнулась. Она подумала, что, возможно, в каждой душе есть и свет, и тьма. И задача правосудия — не уничтожить тьму любой ценой, а отличить одну от другой. Даже когда это почти невозможно. Она подняла воротник и пошла в сторону метро. На секунду ей показалось, что воздух сгустился, и где-то внутри, очень глубоко, шевельнулось давнее — та самая девочка из пятого класса, которую она не защитила тогда. Но теперь это воспоминание не жгло стыдом. Оно просто стояло рядом, молчаливым свидетелем того, почему она не может поступать иначе. Впереди были новые дела, но-

вые клиенты, новые проклятия в её адрес. Но сегодня она знала, что поступила правильно. Или, по крайней мере, так, как должна была.

Юлия Евдокимовская. КТО ТЫ БУДЕШЬ ТАКОЙ?

Валет не спрашивал. Его подобные вопросы не интересовали.

Во-первых, у него было огромное, требующее постоянного внимания хозяйство: от Шестёрки с ещё не обсохшим молоком на губах до Десюнчика, который уже тайно таскал отцовские бритвы. А, во-вторых, били Вальта все, кому не лень: и Король, и Дама, и от этого он сделался кротким, как новорождённый ягнёнок. Вопросов не имел, а те, что изредка возникали, в голове его не задерживались и благополучно забывались. Счастливый, в сущности, человек!

А вот Дама, напротив, спрашивала, и даже очень настойчиво. Это было не праздное женское любопытство, а желание найти родственную душу в колоде чёрствых мужланов.

Да и кто не хочет найти родственную душу? Пусть первым бросит в меня шестёрку.

Так что же спрашивали те, кто искал в засаленной колоде себе подобных? Дама хотела знать буквально то же, что и Король: кто есть Туз.

Туз — это высшее божество, которое имеет силу не только над многодетным Вальтом, слабой Дамой, но даже над самим Королём.

Туза никто никогда не видел в лицо. На белом рубище был только знак тайного ордена. За ним — и лицо, и душа, и надежды, но не открывались они ещё никому.

Туз — несокрушимая власть. Мистификация в чистом виде. Вопрос без ответа. Загадка дыры. Стоп! Какой ещё дыры? — оскорблялась взмокшая против воли Дама. И Король, уличённый в нехитрой манипуляции, буквально переворачивался от смущения.

Король утверждал, что Туз может быть только мужчиной. Даже имя на это прямо указывает! Но Даме такой довод казался неубедительным. Она знала многих женщин, скрывавшихся за мужскими платьями и мужскими именами: иначе в этой колоде было не выжить.

Дама рассуждала так: наверняка, Королю невыносима сама мысль о том, что верховодить игрой может женщина. Он бы счёл за честь склонить голову перед могущественным противником, но перед бабой? Не бывать этому! Все они так говорят. Дама хихикнула: вот будет потеха, когда колода наконец узнает, что Туз — это женщина! Только женщины могут водить всех за нос столько лет. Ах, подруга, как только ты откроешь своё личико, мы им покажем! Они вмиг запляшут под нашу дудку!

Но тут демон, который стоит у каждой Дамы над душой, на первый взгляд, являющийся фундаментом и верным её отражением, хотя в действительности — он вечное искушение, все сомнения и обиды, собранные воедино, на манер

портрета Дориана Грея, — вдруг уцепился Даму за локоток и начал шептать в её мягкое ушко: «Разве хочешь тебе делить свой и без того шаткий трон с ещё одной Дамой? А если она красивее, умнее и моложе тебя, долго ли ты просидишь на своём колченогом стуле зависти?»

Слёзы так и брызнули из глаз прекрасной Дамы. «Какое коварство! — ревела она белугой. — Я лишь хотела ей быть любимой сестрой!»

Король с раздражением посмотрел на дамские слёзы. Нет, решительно это будет полная катастрофа, если Туз окажется женщиной. С одной-то истеричкой их масть еле справляется, а окажись таких двое — начнётся полная смута.

— Брат, — вдруг сказал Королю Король.

— Да, брат? — Король опустил глаза на своего собеседника, ведь всякой карте навязано общение с собственным отражением: нужно лишь скосить глаза вниз, и ты никогда не будешь одинок.

— Успокой её, я не выношу женские слёзы.

— Но как?

— Дай ей власть!

— Власть? — в ужасе прокричал Король.

— Власть, — повторил нижний Король.

Король задумался. Какая власть может утешить плачущую Даму? Вот если бы он был помоложе, как этот простодушный Валет, он бы с радостью упал к её ногам, но нынешнее положение не позволяет ему уступить.

Король обратился к Валету:

— Валет, я приказываю тебе поменяться...

Валет тут же перекувыркнулся.

— Дуралей, дослушай же! Поменяйся одеждой со мной, а не местами с самим собой!

— Заметят, — сказал Валет, — и мне ещё Шестёрку надо отлупить за вчерашнее. Мне некогда.

— С Шестёркой я сам справлюсь, — сухо сказал Король, не терпящий возражений.

Валет и Король поменялись мундирами.

И когда на стол бросили Короля в Вальтовом мундире, заплаканная Дама дала ему звонкую пощёчину и уже хотела выйти из игры, как вдруг переодетый Король схватил её за руку и развернул к себе.

Дама с ужасом взглянула на своего самодержца: теперь-то она его признала. Скандал! Что теперь будет!

Король не отпускал тонкую руку. Он провёл её ладонью по своей покрасневшей щеке, которую подставил под удар.

«Да я и без Туза неплохо справляюсь», — подумала Дама.

— На колени! — сказала она.

И Король упал перед ней на колени, склонив свою царскую голову и сгорбив спину в драном Вальтовом мундире.

Дама не видела, как нижний Король пожимает руку переодетому Королю, едва сдерживающему самодовольную улыбку.

Ловко же он её провёл! Настоящая власть — заставить

других чувствовать то, что нужно тебе.

Андрей Флегматов. ТЁМНАЯ СТОРОНА

Миша с чувством долга нажимал на кнопку. Каждое новое его движение пропускало сонных сотрудников на территорию. Их лица были недовольны, иногда — безнадёжно грустны, что, по его мнению, было более чем заслуженно. Какими должны быть выражения лиц у людей, работающих днём? Радостными? Довольными? Нет. Их максимум — учитывая ежедневную многозадачность в условиях сдавливающего в тисках стресса — становиться безликими сморщенными силуэтами, после чего бесславно исчезать в земле.

Сами выбрали этот путь, думал он, прибираясь перед пересменкой. Работают они днём... То ли дело ночь — минимум полутонов, спокойная атмосфера и полное отсутствие придурков.

Спустя полчаса на КПП пришёл Глеб — его сменщик, сосед по улице и человек, безуспешно пытавшийся завести с ним дружбу. Глеб никогда с Мишей не валял дурака, не прибегал к двусмысленности и говорил только на жизненные темы. Что Мишу более чем устраивало.

Тем не менее, Миша опасался Глеба. Вдруг однажды Мишина путаная речь спровоцирует дурную реакцию: улыбку или, упаси Господь, смех? Поэтому Миша при каждой встрече

че молчаливо кивал в знак приветствия, подхватывал сумку и направлялся к выходу.

Так случилось и сейчас. Вот только в этот раз Глеб окликнул его.

— Миш, забыл передать: шеф попросил тебя зайти. И да, вот ещё. Витя для тебя нарисовал, — он протянул рисунок.

На нём был изображён маленький мальчик, держащий правой рукой Глеба, а левой — Мишу с каким-то предметом в руках.

Миша свернул рисунок в несколько раз и положил его в карман сумки.

— Неплохо, — сказал Миша. — Очень неплохо.

— На твоём месте должна была быть Юля, но...

— Зачем меня позвали? — спросил Миша, не желая ничего слышать о пропаже его жены.

— По поводу графика. Как я понял, ты в день, я — в ночь. Теперь заживёшь.

Миша сомневался, что начальник охраны рассказал Глебу о своих планах. Охранники любят сочинять. Поэтому он не стал объяснять Глебу преимущества ночной работы. Решил не рассуждать о глупости того человека, который получает удовольствие от ряби из-за людей. Если Глеба устраивает звон в ушах от их голосов, эти высоколобые рассуждения о жизни, скотское лицемерие... Пусть сам в этом варится. И подобного рода агитации держит при себе.

Миша проследовал в кабинет к начальнику охраны.

— Вызывали? — спросил он.

— Да, — ответил начальник. — Поздравляю. Завтра отсыпной, послезавтра — в дневную.

Глеб оказался прав. Впервые за долгое время Миша почувствовал дискомфорт: его спина налилась свинцом, ногти впились в ладони до ощутимой и очень знакомой боли.

— Что-то не так? — спросил начальник.

— Я бы хотел работать в ночь.

— В каком смысле? Ты всю жизнь собираешься работать ночью?

— С удовольствием, — уверенно произнёс Миша.

— А семья, дети... Так, это не обсуждается. Либо ты работаешь в день, либо — уволен.

Мише не хотел терять работу. Он ничего не умел и отдавал себе в этом отчёт. Так же как и в том, что без образования он никуда не прибьётся. Тем более с таким окладом.

— Вы хотя бы объясните почему? — не успокаивался он.

— Потому что у нас нет нормальных дневных охранников.

— Глеб? Он нормальный.

— Послушай, с твоим отношением и упорством недалеко до начальника смены...

— У него ребёнок без матери, — не успокаивался Миша.

— Скоро в школу, тренировки. Бабушка не вытянет.

— Но для этого нужно работать днём, — продолжал начальник. — Быть у людей на виду, Миша. Социализация определяет человеческую жизнь. Ещё вопросы? — услужли-

во улыбнулся он.

Миша попытался придумать весомый аргумент, но разбился о довольное выражение лица собеседника. У Миши не было сомнений — начальник улыбался его глупости. Недостатку, якобы мешающему Мише жить жизнью нормального человека. Человека с большой буквы... Конечно, что может быть проще, чем обвинить человека в недоразвитости, вместо того чтобы посмотреть на ситуацию с его стороны. Понять, что никакой он не идиот, что ему просто комфортно работать ночью — в условиях, где меньше людей, где он может наслаждаться тишиной. Но для этого нужно включать голову, смотреть на ситуацию глазами другого человека — что не так-то просто, когда ты сам идиот.

Придурок, воспринимающий только белое и чёрное, мыслящий категориями хорошо и плохо... Так кто из нас идиот, подумал Миша. Кому следует улыбаться? Мне или тебе...

— Раз вопросов нет — до послезавтра, — сказал начальник.

* * *

Дорога домой была недолгой, что, наряду с зарплатой, Мишу полностью устраивало в работе. Надев наушники, он прошёл по Большой Садовой без опаски — у людей нет времени и сил на оценку окружающих. Вместо этого они листа-

ют новостные ленты, слушают музыку, глядя в никуда, или просто щурятся от яркого весеннего солнца.

Затем Миша спустился с оживлённой улицы на Седова — пока тихую улочку, с которой открывался вид на Дон. Миша со страхом думал о том, что скоро её окончательно застроят и веками жившая по своим законам аутентичность погибнет под острыми шпильками, после чего сотрётся под колёсами дорогих внедорожников.

Он шёл вдоль забора из синего металлопрофиля, скрывавшего за собой глубокий котлован. Когда забор закончился, начались свежие, построенные на костях многоэтажки. На их фасадах виднелись следы от сорванных Мишей ориентировок на пропавших без вести девушек. Избавляясь от макулатуры, он искренне верил, что таким образом чтит память погибших — выцветшие за несколько лет улыбки девушек не должны быть многочисленными, им следует оставаться эксклюзивом. И они им были. Две высотки — две фотографии — бесконечное число версий и надежд.

Улыбайтесь, думал Миша, проходя мимо ориентировок. Если вам нравится улыбаться — делайте это в своё удовольствие.

— Дядя Миша, привет, — сказала голова Вити, появившаяся в отверстии очередного забора.

Миша вздрогнул. Раннее утро, а Витя уже на стройке.

— Не боишься по стройке шататься? Смотри, охранники подстрелят.

— Их, если захочешь, не найдёшь, — сказал Витя. — Вам папа отдал рисунок?

— Да. А что там у меня в руке?

— Верёвка. Это вы идёте со стройки, когда мне было четыре года, — Витя кивнул в сторону новенькой высотки. — Я вас видел в окно.

Миша взглянул в окно Глеба, располагавшееся напротив высотки. Их дома разделяла узенькая асфальтированная дорога. Миша допустил, что Витя без труда мог увидеть происходящее. Но его детский, незрелый ум... Вряд ли он воспринял всё в полной мере.

— Это был провод от телевизора, — сказал Миша. — Я нёс его на помойку.

— Небось, много играли в приставку, что поломали?

Миша кивнул.

— Уходи, пока не упал в яму, — сказал он. — Лучше помоги бабушке.

— Хорошо, дядь Миш.

Дома Миша не включал ни телевизор, ни свет, считая дневное солнце достаточным для жизни в комнате. Он принял душ, приготовил еду и расположился возле окна.

Ему нравилось наблюдать за людьми. Глядя на человека, Миша безошибочно определял пороки, мгновенно считывал человеческие желания. Как правило, всё крутилось вокруг нескольких вещей: стремления к красивой жизни и внутренней гармонии. И хоть бы один, хоть один человек понял, что

стремление само по себе противоречит гармонии. Гармония там, где никто никуда не бежит. Ни за деньгами, ни за самой гармонией... Какие же вы тупые, думал Миша, наблюдая за очередным мужчиной, перед которым кокетничала девушка. Сколько пройдёт времени, прежде чем ты поймёшь, что её улыбка — скрытое оскорбление, что она врёт тебе, что, смеясь, она унижает тебя, что...

Миша отшвырнул тарелку, и еда разлетелась по комнате. Он поставил наушники на зарядку и, наступая на еду, ушёл в спальню.

Из её окон открывался вид на котлован. Скоро на этом месте будет возвышаться громадный дом, и Мише при его виде останется ностальгировать по зелёным деревьям с домом дореволюционной постройки. Там не будет аллеи, по которой он так любил гулять. Вместо этого — окна. Много окон и людей. Смотрящих в него и, возможно, улыбающихся...

Миша задёрнул штору и лёг спать.

* * *

Вечер того же дня был переполнен тревогой. Миша не мог оставить мысль о грядущей социализации, как сказал бы начальник охраны. Она его не просто пугала — социализация обескураживала Мишу, вгоняла его в паралич.

И когда казалось, что он не выдержит и напишет заявление об увольнении, ему пришла в голову идея. Она взволно-

вала его, дала надежду и задала тон его настроению.

Что, если вообще не снимать наушники на работе, думал он, прибирая в комнате. Почему нет? Это же помогало по пути домой. Слушаешь музыку, никого не замечаешь. Идеально. Да, идеально.

Но позже, когда Миша перешёл в спальню и увидел возле котлована смеявшихся рабочих, его настроение рухнуло. Он уже не считал наушники убедительным выходом. Наушники лишь гарантируют отсутствие мерзостного смеха в голове, а глаза... Что с глазами? Не носить же ему повязку. Или, быть может, смотреть всё время в ноги, подумал он. Но я рано или поздно подниму глаза. Я в любом случае увижу.

Звонок в дверь вырвал его из оцепенения. Рабочие к тому моменту уже покинули объект, оставив после себя разбросанные инструменты.

На пороге стоял Глеб с пакетом в руках.

— С повышением, — сказал он, потряхивая пакетом из супермаркета.

Мише не понравилась перспектива чаепития, но он не стал препятствовать. Они прошли в гостиную. Глеб достал из пакета банку кофе и пачку печенья.

— Дорогой, — Глеб кивнул на кофе. — Всё хотел попробовать, а тут увидел по акции.

Миша нагрел воду, не без труда отыскал вторую кружку, поставил на стол треснутую от броска тарелку.

— Почему ты согласился на ночную? — не притрагиваясь

к кружке, спрашивал Миша.

— Семья. Теперь после работы я могу уделять время Вите. К тому же ночью меньше работы.

Миша прикусил щёку. Он не ждал от Глеба подобных слов. Не думал, что ему настолько важен график. Но если Глебу так важна была ночная смена, быть может он — главная причина возникших проблем? Не так уж фантастично звучит предположение, в котором Глеб приходит к начальнику с просьбой о переводе на ночной режим. Не так уж фантастично...

— Витя не ходит в сад? — спросил Миша.

— Нет-нет, ты что. Откуда на него деньги...

— Но как можно уделять время, когда ты высыпaeшься днём? Люди по вечерам проводят время с семьёй.

Глеб улыбнулся. И хоть его улыбка выглядела приятельской, Миша безошибочно считал её посыл. Её издевательский тон, её насмешливое «что ты понимаешь в семье?». Может и ничего, вознегодовал Миша, но это не значит, что тебе дано право считать меня кретином. Это не даёт тебе право! НЕ ДАЁТ ТЕБЕ...

— Ты заблуждаешься, — сказал Глеб, пока Миша ногтями расчёсывал руку. — После работы ты уставший и ничего, кроме как отдохнуть, не хочешь. А так, я проснулся, посвятил себя Вите и пошёл на работу. Он без меня уже начал постройкам лазать, а что будет дальше? Нет-нет, детям нужны родители. Хотя бы один.

Миша никак не отреагировал на его слова. Почти не слыша Глеба, он пытался остановить ход своих мыслей. Но злобующий поезд не имел тормозов. И с каждой минутой его скорость становилась всё более устрашающей.

Глеб бросил взгляд на спальную комнату.

— Из твоего окна видна стройка? — спросил он. — Можно посмотреть? Проверю, вдруг снова залез.

Внезапно поезд исчез. Растворился и дал возможность нормально мыслить. Невероятно, подумал Миша, почему мне не пришло в голову просто попросить? Так же как он попросил меня посмотреть из спальни. В конце концов, он ведь понимает, что такое «важно». Он же не идиот.

Они оставили кофе и прошли в комнату. Там Глеб не терял ни минуты. Он опёрся на подоконник и внимательно осмотрел безлюдную территорию.

— Какой был вид, — ностальгировал Глеб. — Такими темпами от города ничего не останется. Никакой истории.

— Откажись от ночной смены, — глухо сказал Миша.

— А ты всё никак не поймёшь, — усмехнулся Глеб. — Я не могу оставить ребёнка без присмотра. Не будь Вити, я бы с радостью, а так...

Оглушённый Глебовым смехом, Миша больше ничего не воспринимал. Глеб что-то рассказывал, оправдывался, но слова пролетали мимо. Когда Глеб, проходя мимо Миши, хлопнул его по плечу и сказал, что уходит собираться на работу, Миша осознал — поезд никуда не пропал. Он про-

сто развил катастрофически быструю скорость, отчего его существование казалось сознанию невозможным. Но он существовал. Существовал, когда Миша стоял в пустой квартире как мстительный признак. Как хладнокровный убийца, в чьих глазах пустота, а в намерениях — справедливость.

Спустя считанные секунды после ухода Глеба, Миша решил действовать.

Рассекая воздух, он залетел на кухню, отбросил половницу под столом и достал спрятанную под полом шкатулку. В ней лежало две ориентировки, каждая из которых согревала Мише душу фактом своего существования. Они являлись доказательством, что справедливость рано или поздно настигает любовь. Не важно, будущая ли это жена, посмевавшая смеяться над ним, либо жена соседа, считавшая, что её муж — гарантия безопасности. Нет, думал он, убирая в сторону ориентировку на Юлию, никто не может гарантировать безопасность негодяйке.

По его телу побежали мурашки, когда он смаковал детали её смерти. Когда он, как хищник, как голодный зверь, вылез из отверстия в заборе, схватился за Юлины ноги и двумя рывками затянул дрянь в отверстие. Его будоражила скорость происходящего. Как она, не успев даже пискнуть, начала задыхаться от накинутаго на шею кабеля. Как нелепо пыталась вырваться. Как брыкалась и тряслась. Как одними губами молила о пощаде... Пока не испустила дух. Котлован, лопата, бетон, стройка — всё было на его стороне, об-

стоятельства буквально кричали о его правоте. О праведном пути.

— Дурак от дурака, — прошептал Миша, вытащив из шкатулки кабель от телевизора. — Иначе как бы они пожеглись...

Налитыми кровью глазами Миша посмотрел в окно. Прошло слишком мало времени, чтобы Глеб успел выйти из подъезда. Минута, а то и меньше. Значит, время есть.

Не медля, Миша перемахнул через подоконник в спальне. Со второго этажа, казалось, гравитация будет чуть более благосклонной. Но приземление оказалось жёстче ожидаемого.

Миша прислушался — вокруг гробовая тишина.

— Как тишина? — содрогнулся он.

Пройдя к отверстию в заборе, Миша аккуратно взглянул через него. Глеб шёл по нужной стороне. Слыша стук его туфель, Миша приготовился. Восемь ударов набойками, считал он, ещё семь ударов, и ты узнаешь, кто из нас посмешище. Пять.

Увидев ноги, он высунулся из дыры, всеми силами схватился за джинсы и потянул на себя.

Звук глухого удара головой, сдавленный стон, шорох тела о землю — и парализованный болью Глеб рухнул на территорию стройки. Миша в одно мгновение перевернул его на живот, заломил руки за спиной и, сев на них, обвил кабелем шею.

— Ты всё ещё смеёшься? — прошипел Миша. — Почему

ты сейчас не смеёшься?

— Что... Пожалуйста, — донеслись остатки воздуха.

Миша ничего не ответил. Не потому что ему было нечего сказать, а по причине невозможности что-либо говорить, когда вершится справедливость.

Глеб вёл себя так же, как его жёнушка: пытался вырваться из-под него, остановить происходящее, но вместо этого лишь ускорял собственную гибель — Миша тянул за концы ещё сильнее. Его глаза заливали слёзы, что не мешало разглядеть стремительно угасающую жизнь. Глеб одними губами говорил: «Ради Вити», «Прости», «Пожалуйста». В ответ на это Миша отчаянно стягивал провод. Пока мышцы рук сводила судорога, он сквозь зубы цедил, чтобы Глеб больше не смел делать из него дебила. Чтобы он никогда не насмеялся над ним. Чтобы заткнулся и не раскрывал рта. Чтобы не дышал в его присутствии.

Спустя пару минут пожелание было осуществлено — Глеб перестал подавать признаки жизни. Его глаза больше не бегали в поисках спасения, расслабленное тело никуда не стремилось, а невыразительное лицо вызывало в Мише отвращение.

Миша засунул кабель в карман и, оттянув Глеба к котловану, скинул его вниз. Затем он отыскал лопату и аккуратно спустился к телу.

Миша шёл с ночной смены по Седова. Полный оптимизма и веры в благополучное будущее, он старался думать о хорошем. О том, что его больше не потревожат решением сменить график. Что больше никто не будет выставлять его дураком.

Он не смотрел на сонных прохожих. Слушая музыку, Миша уделял внимание расклеенным ориентировкам на Глеба. Оскорбляясь их количеству, он без зазрения совести отправлял их в урны. Со столбов, с обветшалых домов и с двух новых, где его портреты располагались поблизости с Мишиной бывшей будущей женой и Юлей.

Дойдя до синего забора, он остановился. На него приклеили лишь одну ориентировку. И Миша улыбнулся. Будто почувствовали, подумал он с удовлетворением. Всё верно, на надгробии недопустимо более одной таблички.

— Дядя Миша, — появился из отверстия Витя. — Я вас ждал.

— Ты почему не с бабушкой? — спросил Миша.

— Она со мной не играет. Только алфавит учим... А тут вон.

Миша взглянул за Витю. Припаркованные вокруг котлована ржавые бетономешалки сливали кубометры бетона. Много кубометров.

— Когда папа закончит работать? — спросил Витя.

— Работать?

— Бабушка сказала, он придёт, как только закончится смена.

— Забыл. Да, его смена скоро закончится.

— Передайте ему, что много работать вредно. И что я со-
скупился. И вот ещё, — Витя отдал Мише мятый лист.

На нём Витя держал за руку отца, позади них — его мама
и Миша с лопатой.

Аккуратно сложив рисунок в несколько раз, Миша отпра-
вил его в карман.

— Только не забудьте.

— Хорошо, передам, — добродушно сказал Миша и,
предсказывая дальнейшую реакцию, увёл взгляд с Вити.

Витя кинулся ему в объятия. Миша не сомневался — он
улыбается. И этого понимания было достаточно, чтобы его
добродушие исчезло. Чтобы смертоносный поезд вновь на-
чал набирать ход.

Он, как и его родители с прогнившими душами, считает
его недотёпой. Дурачком, который на любую просьбу отве-
чает «да». Несостоявшимся в жизни кретином, подумал Ми-
ша. То ли дело вы... То ли дело вы.

— Папа был прав, — сказал Витя. — Вы наш самый луч-
ший друг.

Глядя на льющийся из машин бетон, Миша запустил руку
в карман и смял лежащий в нём рисунок. Ты сам всё пере-
дашь, с ухмылкой решил Миша. Но немного позже.

Арина Ивка. ОТДОХНУЛА

*Алгоритм женщины:
захотела — сделала — подумала — пожалела
— назначила виноватого*

Первый автомобиль по спине Лиды проехал около пяти утра. Потом второй, третий. Движение становилось оживлённым. Женщина стойко терпела, периодически проваливаясь в забытье.

Но когда по спине проскакала пара лошадей, а одна из них протащила за собой плуг, оставляющий болезненный след, Лида открыла глаза и повернулась.

— Мам, я не шумел. Пошли с солнышком здороваться!

Лида чмокнула сына в сладкую макушку. И они пошли.

Папа Витя здороваться к солнышку не ходил. Он «сова». И сейчас, в отпуске, просиживал ночами со своим ноутбуком над очередным проектом, а потом спал до обеда.

А сынуля «жаворонок». Ему невтерпёж к морю и солнышку. Лида просила:

— Митя, ты когда утром просыпаешься, поиграй один, тихонечко. В машинки, конструктор. Ты ведь уже большой, самостоятельный. Не буди маму и папу.

Сын так и делал. Только играть он предпочитал на мамин-

ной спине. Ему удобно было располагать там свой транспорт или строительные площадки, ведь Лида всегда спала на животе.

А папа спал на спине, и с его большого круглого живота автомобиля слетали в кювет. И крепости строить на таком холме было невозможно.

Прошло меньше недели из трёх отпускных, а Лида была совсем вымотана. Она так ждала этой поездки. Мечтала вырваться из болота осточертевшего быта и полежать тюленем под щедрыми лучами южного солнца, вдоволь наплаваться в бархатной изумрудной воде, надышаться терпким морским воздухом.

Из всех мечт сбылась только одна — надышаться.

Митина энергия была как из вулканчика. Если в номере сын мог какое-то время посидеть спокойно, играть или рисовать, то по пляжу он метался как солнечный зайчик.

Пляж был галечный. Митя бегал на своих ножках-прутиках по этим камням, точно так же как по траве на бабушкиной даче. А для Лиды это стало большой проблемой. Больно и горячо. И вход в море был обрывистым, сразу глубоким. И волны часто сильные. Но страха перед волнами и глубиной у сына не было совсем, в отличие от Лиды.

Митька бросался в эту стихию с разбега, и когда волны захлёстывали его с головой и начинали крутить, у Лиды обрывалось сердце, она паниковала и кидалась за ним. Митька хохотал и совершенно не пугался.

Витя, выслушав её причитания и жалобы, проблему тут же решил. Лиде купил специальные пляжные тапки, бегать за сынулей стало полегче, а Мите — надувные нарукавники. Сын тут же прозвал их плавнями.

Вместе с усталостью у Лиды росло раздражение и обида на занятость мужа. Всё же в отпуске хотелось побыть вместе. Подальше от быта: готовки, уборки. От рабочих проблем. От постоянного планирования и списков дел. То не забыть, про это напомнить.

В смартфоне у неё было специальное приложение с множеством блокнотиков: Витя — блокнотик со строгим геометрическим узором, Митя — забавная мордашка котёнка, мама — цветочный орнамент, папа — узор из шестерёнок и чего-то ещё технического, ЖаПа — блокнотик для свекрови — Жанны Павловны, без узоров, просто серый. Были блокнотики для прочитанных книг и просмотренных фильмов и много других. Для своего блокнотика Лида выбрала небо с облачками.

Витя подтрунивал и по всякому обзывал эти её блокнотики: досье, дело, портфолио, шпионские записки, архив резидента.

Но зато когда возникала надобность вспомнить что-то: номер телефона стоматолога «ну тот, что зуб сложный мне удалял в прошлом году», или номер загранпаспорта «не носить же его с собой», или даже название «того классного фильма про лётчика и певицу, помнишь?». Конечно, доро-

гой!

Да если бы Лида помнила хоть десятую часть из того, что она записывала, голова бы у неё треснула, как перезревший арбуз.

Много записей было синхронизировано с календарём, и Лида никогда не забывала поздравить, напомнить, заплатить...

Но сейчас, в отпуске, ей хотелось всё это отключить и перезагрузиться.

Год выдался сложный. Митя пошёл в детский сад. Три дня ходит — две недели болеет. У мамы проблемы с венами. У отца давление скачет. ЖаПа затеяла очередной ремонт и постоянно дёргала Витю. А он ввязался в новый проект. Со всем перестал дома бывать. И в выходные и праздники с ноутбуком не расставался. Лида видела, как он устал. Старалась бытовыми проблемами не грузить. Но и сама выдохлась совсем. Настояла на этой поездке к морю.

А толку? Витя так же с ноутбуком, а она постоянно с Митей. И нет никакой перезагрузки.

Сегодня Митя строит замок из камушков с двумя девочками. Одна постарше — Эмма, серьёзная, не улыбочивая. Вторая Митина сверстница — Олеся. Вся как уголёк. Темноволосая, сильно поджаренная греночка. Только панамка белоснежная.

— Митя, такие кособокие камни не носи. Кругляшные только носи. Повнимательнее, — выговаривает Эмма и от-

брасывает в сторону неподходящие. — Неужели так сложно уяснить?

Бабушка Эммы — педагог. И свекровь.

— Это моя бабушка. Клавдия Петровна. Папина, — представила её Эмма. — А бабушка Таня — мамина. У неё дача и грядки. Я к ней потом, после курорта поеду, — и по лицу строгой девочки прокатывается мягкая волна, а «папина бабушка» недовольно поджимает губы.

Митя послушно таскает нужные камушки. А Лиде становится обидно за сына и тревожно. Что за бесхребетность? Надо будет ему объяснить, как любят женщины на шею сесть и ножки свесить. Вдруг Митьке попадётся такая командирша? Сделает из её мальчика «подкаблучника» и будет помыкать.

Клавдия Петровна и мама Олеси — Мира, такая же худая и смуглая, как дочь, — стоят возле Лидинога лежака. Поворачиваются разными сторонами к утреннему, пока ещё приветливому, солнышку. Обсуждают экскурсии. К ним присоединяются и другие ранние посетительницы пляжа.

Лида вытягивается, тоже поворачивается другим боком, но так, чтобы видеть Митю.

— Ботанический сад обязателен, — назидательно гудит Клавдия Петровна.

— А мне рассказывали про Ливадийский дворец. Какая там красотища! — звенит голосок Миры, — только ехать далеко и жарко очень.

— Воронцовский поближе и не хуже, — советует чей-то низкий хрипловатый голос.

Голоса сливаются, роятся, убаюкивают...

На поясницу падает что-то увесистое и тёплое. Задремавшая Лида пугается, вскакивает. Но это не кусочек от солнца откололся, а Митя. Ему надоело таскать камни.

— Мам, пора? Море нагрелось? Я плавни уже одел.

— Надел, — машинально поправляет Лида. Хотя кто их знает, эти плавни. Одевают их или надевают?

К одиннадцати часам, когда вдыхать горячий воздух становится затруднительно, Лида ведёт сопротивляющегося Митю обедать. Они идут от моря, а навстречу им движется многолюдный пёстрый поток выпавшихся и сытых отдыхающих.

Лиде хочется кофе, борща и спать. Митя канючит мороженку. После продолжительных торгов он соглашается на бублик с «фрейлинами». Так сын называет фрикадельки.

После мороженого Митя пытается убедить Лиду, что спать он не будет и лучше бы им вернуться на пляж. Сегодня он особенно раскапризничался. Они садятся на лавочку в тень, и Лида обещает, что не будет заставлять его спать. Что они просто полежат и она Мите почитает. А сейчас солнышко слишком разогрелось и будет вредничать, но немного погода оно остынет и они снова вернутся к морю. А вечером обязательно пойдут в парк. И Митя будет прыгать на батуте.

Лида еле ворочает языком. Говорит тихо, медленно. Вол-

ны Митиных возражений тоже слабеют. И он засыпает. Прямо на лавочке.

Лида хочет позвонить Вите, чтобы он пришёл за ними. Но телефона в пляжной сумке нет. Вспоминает, что вечером ставила его на зарядку. Видимо, до сих пор заряжается.

Она осторожно подхватывает Митю и плетётся к отелю. Последние метры до входа в прохладный вестибюль даются с трудом. Сумка сползла с плеча и бьётся о колени, мешает, но поправить её Лида не может. Сынуля, вчера такой маленький и лёгонький, как пушинка, заметно подрос. И нести его тяжело.

Возле стенда с объявлениями экскурсий и афишек с анонсами всевозможных культурных развлечений всегда толпится народ. Щуплая бабуля в оранжевой бейсболке, из-под которой свисают седовато-фиолетовые кудельки, продаёт билеты и записывает жаждущих в длинные списки.

Вечер танцев и конкурсов «Для ума и тела». Концерт духовых А. Шпинь и Ф. Иванов (летний театр). Дискотека для всех возрастов «Смешарики зажигают». Лекция «Связь виноделия с астрологией. Плюс дегустация и лотерея». Фильм «Сдайся моей страсти».

Лида с трудом просачивается сквозь галдящую компанию бабулек. Накатывает раздражение. И зависть. Ей что же пенсии ждать, чтобы отдыхать в своё удовольствие?

В лифт вместе с ней входит немолодая пара. Симпатичный седой мужчина сразу предлагает:

— Девушка, давайте я вам помогу, — и тянет руки, чтобы взять Митю.

От этого простого, доброжелательного жеста Лиду вдруг накрывает:

— Спасибо. Обойдусь, — отзывается она с неприязнью и отодвигается.

Подключается женщина:

— Давайте хотя бы сумку, тяжело же наверно.

Лида шипит сквозь зубы:

— Не надо!

Пара переглядывается и помощь больше не предлагает.

Но пусковой механизм уже запущен. Во рту привкус горечи. И так жалко себя. Ну и на фига ей такой отдых?

Лида со злостью толкает дверь в номер ногой. Морщится от пронзившей боли.

Витя спешит к ним навстречу, подхватывает Митьку.

— Ушиблась?

Лида роняет сумку и сползает по стеночке. Опускает лицо в ковшик вспотевших ладоней.

— Лидуш, что случилось? Тебе плохо?

Витя уже уложил Митю и метнулся к ней.

— Давай ногу посмотрю. Может, врача? Приляг. Тебя отнести?

Испуганный муж суетится рядом. Но это не утешает, а даже, наоборот, бесит и злит ещё сильнее.

— Все люди как люди. Если приехали семьёй, то и отды-

хают семьёй, а у нас непонятно что, — чеканит она нервно и чувствует: остановиться уже не сможет. — Я за эти несколько дней устала сильнее, чем дома за год. Я вообще имею право отдохнуть?! Именно отдохнуть! Ты с сыном ни разу на море не сходил.

— Лидуш, да, конечно. Мне совсем немного осталось сделать, но если тебе нужно отдохнуть, давай сегодня и завтра я целый день с Митькой буду, а ты выпишь, прогуляйся.

— Да, вот именно! Прогуляюсь. На экскурсию куда-нибудь поеду или на концерт. Сейчас схожу, выберу. Там много всего.

— Да, да. Я видел, — Витя не удержался, хмыкнул, — лекция про вино и дискотека со Смешариками. Сходи, конечно.

Лучше бы промолчал. Лида кричит злым шёпотом:

— Да хоть с Винни-Пухом. Имею полное право!

Лида долго смотрит на фотографии дворцов и других красот, читает описание. Выбирает. На завтра предлагают только винзавод и Бахчисарай с ханским дворцом и пещерным городом Чуфут-Кале.

Ханский дворец представляется Лиде каким-то оазисом с анфиладой прохладных фонтанчиков. В такую жару ханы наверняка умели создать себе комфорт.

Что такое Чуфут-Кале, Лида не знала. Но пещерный город в её понимании тоже был связан с прохладой, которой так не

хватало последние дни.

Вот и поедет, отдохнёт. По-настоящему, как белый человек, она не рабыня Изаура. А Витя пусть за сыном по пляжу носится.

Лиду немного задело, как сын воспринял то, что весь день придётся провести с папой, и это его не расстроило, а вроде как даже и порадовало. И Витя вполуха слушал её наставления и подозрительно бодро пожелал ей приятного дня.

Предвкушают вольницу. Ну и ладно. Лишь бы не сгорели, не утонули, не расшиблись и не поранились, не заболели, не остались бы голодными и не съели что-нибудь непотребное.

Лида крутилась перед зеркалом, в сомнениях. В ханский дворец в шортах несолидно. Но потом ведь пещеры. И в юбках-платьишках там неудобно будет. Или ничего?

Она ощущала, как Витя украдкой наблюдает за ней. И злилась. Хотелось выплеснуть раздражение до доньшка. Но от комментариев и советов муж разумно воздерживался. Зацепиться Лиде было не за что.

Наконец, она выбрала удобный сарафан в нежный цветок. И вытащила из чемодана любимые итальянские босоножки, которые терпеливо ждали свой выход в свет. На прогулках с Митей в приоритете были сланцы, а вечером — лёгкие летние кроссовки. В рюкзачок положила любимый бежевый кардиган. Вдруг в пещерах прохладно.

Автобус был полон. В основном женщины и подростки.

Рядом с Лидой расположилась тётка лет пятидесяти. Полная, с недовольным красным лицом. От неё сильно пахло куревом. Вместо приветствия громко выдала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.